

УСЛОВИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ К ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Филиппов Сергей Иванович,

кандидат философских наук,

заместитель директора Гуманитарного института

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

SPIN-код (РИНЦ): 4743-5183

Author ID (РИНЦ): 113556

flippow07@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу советской национальной политики в исторической перспективе, в частности, исследованию условий лояльности национальных элит по отношению к центральной власти в позднем СССР. Исследование проводится на материале сопоставления контрастных случаев: элит прибалтийских республик и Белоруссии с 1945 по 1991 г. в их взаимоотношениях с союзным центром и населением республик. Данные случаи сходны друг с другом по некоторым существенным параметрам, но демонстрируют различный уровень лояльности элит и населения по отношению к центру: относительно низкую в прибалтийских республиках и относительно высокую в Белоруссии. Подчеркивается, что советская национальная политика, содержанием которой было формирование новых национальных элит, а также локальных институтов, поддерживающих их воспроизводство, продолжала традиции «непрямого» управления государством, когда главными партнерами выступают центральная власть и местные элиты. Данная политика в определенной мере снижала конкуренцию за престижные позиции в «центральных» институтах, но в условиях стабилизации и относительно низкой ротации кадров приводила к дефициту престижных позиций на фоне переизбытка претендентов (феномен «перепроизводства элиты»). Внутриэлитная напряженная конкуренция за престижные позиции усиливалась миграцией из других регионов (в случае Эстонии и Латвии), а также стратегией социализации, ориентированной на регион первоначального проживания (в случае Литвы), что было обусловлено относительно высоким уровнем

благосостояния прибалтийских республик в составе СССР. Размещение на территории Белоруссии крупных ресурсоемких экспортно-ориентированных предприятий обусловило стратегии социализации, ориентированные на интеграцию в союзную экономику и, соответственно, лояльность как элит, так и значительной части населения союзному центру.

Ключевые слова: элиты, лояльность, советская национальная политика, перепроизводство элит.

Библиографическое описание для цитирования:

Филиппов С.П. Условия лояльности национальных элит к центральной власти в советский период российской истории // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 230–248. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.

Система институционализированных взаимоотношений центра с регионами, характерная для Советского Союза, рассматривается в современной науке зачастую как постреволюционная новация, в определенной мере уникальная в мировой истории, поэтому не подпадающая полностью под традиционные классификации, такие как империя или федерация. Немецкий исследователь Г. Симон, например, видит в СССР некую «специфическую империю», в которой центр хотя и доминировал над периферией, но создавал условия не только для развития, но и для складывания наций. На основании анализа «национальной политики большевиков» ученый приходит к выводу, что советская система не решила национальный вопрос, а создала его [31, S. 124]. По мнению профессора Гарвардского университета Т. Мартина, СССР был особого рода империей, создававшей условия для становления и развития наций, для обозначения которой автор использует специальный термин – «империя положительного действия» (Affirmative Action Empire) [7]. Американский исследователь Ю. Слезкин характеризует СССР как «первое в мире государство институционализированного этнотерриториального федерализма» [32, p. 205]. Советская национальная политика воспринимается как «формирование территориально-этнических единиц, лишенных политического суверенитета, но обладающих собственной территориальной идентичностью, сетью культурных и образовательных учреждений, в которых использовались и поддерживались национальные языки, а также осуществлялась подготовка и продвижение “национальных кадров”» [34, p. 101].

Действительно, письменные национальные языки создавались и развивались не только в союзных республиках, но и среди малых народов. По разным оценкам, от 40 до 57 этнических групп получили собственную письменность в советское время [22, с. 209]. Исследовались, реконструировались, поэтизировались и популяризировались национальные культурно-исторические традиции, а национальная принадлежность вы-

ступала в СССР как одно из оснований социокультурной идентичности советского человека и вносилась в метрики и паспорта. Национальная принадлежность воспринималась в советской этнологии, административной практике и общественном сознании как существенная часть человеческой природы, передаваемая по наследству (от отца или матери) – воззрение, уходящее корнями в концепцию нации немецкого романтизма [6].

Чем была обусловлена эта политика «нациестроительства», проводимая едва ли не с самого начала установления советской власти? В качестве объяснений, как правило, приводятся идеологические мотивы – следование марксистско-ленинской теории и основывающейся на ней «советской теории этноса» [17, с. 11]. Несомненно, марксистско-ленинская идеология оказывала существенное влияние на политику СССР в самых разных сферах общественной жизни, но ошибочно недооценивать прагматизм и переоценивать идеализм как основания решений и действий власти. После революции 1917 г. система управления территориями страны была построена во многом по тому же принципу, что и в имперский период истории нашей страны: через взаимодействие с национальными элитами. В царской России национальные элиты могли быть инкорпорированы в состав господствующего класса империи (немецко-балтийское рыцарство, шведские элиты Финляндии, грузинское, армянское, азербайджанское дворянство, отчасти казачество и др.) либо же депримированы, как значительная часть польской шляхты. В СССР были сформированы новые национальные элиты, а также соответствующие институты, поддерживающие их воспроизводство: национальные автономии разного уровня (от союзных республик до национальных районов и совхозов), региональные органы управления, национальная система образования, творческие объединения и союзы и др.

Впрочем, элементы такой политики были характерны также и для Российской империи. В частности, имперская власть не препятствовала созданию национальной литовской элиты и культуры (в качестве противодействия позициям польской шляхты), а также становлению эстонской и латышской элит как средства ослабления немецкого доминирования в Остзейском крае. Например, число эстонцев на государственной службе в Ревеле (Таллинне) в 1871 г. составляло 4 человека, а в 1897 г. – 442, т. е. более 50 % всех чиновников [9, с. 63]. После включения Бессарабии в состав Российской империи по Бухарестскому миру было создано Бессарабское дворянство, причем в состав нового благородного сословия вошла отнюдь не только прежняя местная аристократия. Современник событий пишет: «Один предлагал своего кучера, и другой соглашался, с условием, чтобы принять его повара» (цит. по [5, с. 161]).

В национальных республиках и автономиях создавались институты, прежде всего в сфере местного управления, культуры, науки и образования, предоставляющие престижные позиции для «национальных кадров». Это способствовало активной вертикальной мобильности (при том что старые элиты были практически полностью уничтожены). Кроме того, такое национальное «элитостроительство» в определенной мере снижало остроту борьбы за престижные позиции как в «центральных» институтах, так и на межнациональном уровне: новые национальные кадры обладали культурным и социальным капиталом, востребованным только в «своей» среде. Таким образом, их стратегии социализации были связаны, прежде всего, с территорией проживания: «Для представителей нерусских титульных наций открывался доступ к современному образованию, назначению на бюрократические должности – но только в пределах их родных республик, многочисленные места для национальной интеллигенции, предоставляемые национальными же культурными и образовательными учреждениями, способствовали складыванию профессиональных сообществ деятелей национальных культур, которые обычно всю жизнь проживали в одном городе, поскольку за его пределами их дипломы и звания хождения не имели» [3, с. 209, 210].

В то же время такая стратегия подрывала единство и устойчивость многонационального государства. Относительно низкая ротация управленческих кадров в позднесоветский период привела к дефициту престижных позиций. Переизбыток лиц, обладающих высоким культурным капиталом, но почти лишенных возможности его конвертации в достойный социальный статус и материальный доход, вызывал фрустрацию и критическое отношение к существующему положению вещей в государстве со стороны этой социальной группы. Но «перепроизводство элиты» – один из существенных факторов, вызывающих общественные конфликты и нестабильность [11, с. 16–20; 20]). По данным Ю.В. Бромлея, в Грузии в 1981–1985 гг. не были распределены по специальности почти 25 % выпускников вузов (цит. по [22, с. 257]). Именно интеллигенция, неудовлетворенная своим социальным статусом, стала одной из наиболее активных социальных групп антикоммунистических революций 1988–1991 гг. М. Гарселион называет социальные процессы, приведшие к падению коммунизма и распаду СССР, «бунтом специалистов», определяя данную социальную группу как специфический «средний класс позднекоммунистической России – сконструированную по инициативе “сверху” социальную страту, состоящую из работников “умственного труда”, имеющих высшее образование» [25, с. 32, 33].

Различные национальные элиты демонстрировали разную степень лояльности по отношению к центральной власти. Какие факторы оказывали дополнительное влияние на лояльность национальных элит по отношению

к центру в позднесоветское время, усиливая или, наоборот, ослабляя эффект «перепроизводства элиты»? Ответу на этот вопрос посвящена эта статья. В качестве основного метода исследований используется макроисторический подход, предполагающий синтез различных теорий и уровней анализа для объяснения исторических феноменов. Показателем относительно низкого уровня лояльности является поддержка представителями республиканской власти, партийными функционерами, авторитетной творческой и научной интеллигенцией движений за национальную независимость; высокого – неучастие в движениях такого рода и/или противодействие им. Материалом анализа послужили взаимоотношения союзного центра, элит и населения прибалтийских республик и Белоруссии с 1945 по 1991 г. Эти случаи демонстрируют различный уровень лояльности элит и населения по отношению к центру: относительно низкую в прибалтийских республиках, высокую – в Белоруссии. В 1988 г. в Эстонии была принята Декларация о суверенитете, в 1989 г. суверенитет провозглашают Литва и Латвия (о выходе из состава СССР заявили в 1990 г.). «Значительную роль в создании народных фронтов Эстонии и Латвии, а также литовского Саюдиса играли местные партийные функционеры» [30, р. 227]. В это же время белорусы не проявляли энтузиазма по поводу обретения независимости: Белорусский Народный фронт (организация, отстаивающая идеи национальной независимости) на выборах 1990 г. в Верховный Совет Белоруссии получил лишь 7,5 % голосов [16, с. 150]). В последующие годы, особенно после 1994 г., республика ориентировалась на союз с Россией.

Причины высокой популярности идеи национальной независимости именно среди народов Прибалтики считаются достаточно очевидными – особенности культуры и менталитета, сближающие их, скорее, с Западной Европой, нежели с русскими и другими народами СССР [3, с. 351; 14, с. 152], а также межэтническая напряженность, обусловленная интенсивной миграцией в послевоенный период русскоязычного населения и вызванное этой миграцией опасение коренных наций за свое историческое будущее [10, 12]. Однако проверка этих объяснений на историческом материале заставляет усомниться в их релевантности.

Культурная специфика прибалтийских народов. Различия между прибалтийскими народами в этнолингвистическом, социальном, культурном, экономическом отношениях неправомерно нивелируются как в массовом восприятии, так и подчас в науке. Если Литва имеет многовековую историю собственной государственности, то Эстония и Латвия стали независимыми государствами только в 1918 г. По некоторым существенным культурным характеристикам Литва в большей степени сходна с Белоруссией, чем с Эстонией и Латвией. Как отмечал историк и этнограф XIX в. П.Н. Батюшков, «из всех народов европейской семьи славяне и литовцы находи-

лись в ближайшем родстве по языку, вере и обычаям» [1, с. 2]. Российский социолог Р.Х. Симонян указывает, что «литовцы, в отличие от эстонцев и латышей, психологически очень близки к славянам, а сельский уклад жителей Литвы и Белоруссии практически неразличим» [13, с. 205, 206]. Оба народа обладают общим культурно-историческим опытом – многовековым сосуществованием в рамках Великого княжества Литовского.

Негативное отношение к пребыванию в составе СССР прибалтийских народов объясняется также травматическим опытом балтийских наций, связанным с ликвидацией их независимости в 1940 г., коллективизацией, советизацией, политическими репрессиями, подавлением инакомыслия [8, с. 120–123; 2, с. 306–395]. Впрочем, подобный опыт является общим для многих (если не для всех) этносов бывшего СССР, в том числе для белорусского народа.

Межнациональные конфликты. На протяжении всего советского периода в Прибалтику шла постоянная миграция русскоговорящего населения. Если в середине 1930-х гг. в Эстонии эстонцы составляли 88 % населения, а русские – 8,2 %, то в 1989 г. эта пропорция составила 61,5 % и 30,3 %. Сходная ситуация сложилась и в Латвии: в середине 1930-х гг. соотношение латышей и русских в населении республики составляло 76 % и 10,6 %, а в 1989 г. – 52 % и 34 % [10, с. 178]. Постоянно увеличивающийся приток русскоязычного населения, большую часть которого составляли малообразованные трудовые кадры в рамках оргнаборов («лимитчики»), рассматривается в качестве причины негативного отношения коренного населения прибалтийских республик к пребыванию в составе СССР и к переселенцам, приехавшим в республики после 1940 г., что, в частности, нашло выражение в дискриминации «неграждан» в Латвии и Эстонии после обретения ими независимости в 1991 г. [12, с. 62].

Тем не менее не следует преувеличивать роль межнациональных конфликтов в стремлении прибалтийских республик к независимости. Во-первых, в Прибалтике не было вспышек межэтнического насилия в конце 1980-х, и даже после принятия Эстонией и Латвией дискриминационного законодательства в отношении мигрантов советского времени большинство из них предпочли не переселяться на «историческую родину». Более того, большая часть русскоязычного населения в эпоху кризиса СССР выразили солидарность отнюдь не с союзным центром, а с местными национальными движениями, поддержав стремление к независимости трех республик либо проявив в этом вопросе нейтралитет. В Латвии за независимость высказались 73,3 % участников референдума, т. е. 64,6 % всех избирателей, хотя доля латышей в составе населения была только 52 %. В Литве при опросе, проводившемся 11 марта 1991 г., независимость поддержали 38,2 % русских, выразили сомнение 34,9 %, а латыши – 92,2 %.

резко против были только 12,9 %. В Нарве, где доля эстонцев среди населения города составляла лишь 4 %, за независимость высказались 25,49 % голосовавших, или 17,87 % лиц, имевших право голоса. По данным эстонских социологов, за независимость Эстонии выступали около 30 % местных русских [10, с. 181].

Итак, значительная доля некоренного населения в Прибалтике не привела к масштабным этническим конфликтам. Следует ли из этого, что этнический фактор не играл существенной роли в стремлении республик к независимости? Отнюдь, но только не на уровне всего населения, а на уровне элит. В СССР в Латвии и в Эстонии удельный вес титульных наций среди элитных групп не был преобладающим. К середине 1980-х гг. в Латвии количество латышей, состоявших в компартии, не достигало 40 %, а в Эстонии едва превышало 50 %. Правда, среди бюрократического корпуса латышей было 63,1 %, эстонцев – 82,2 % [15, с. 149].

Отделение от СССР сделало возможным ограничения в правах послевоенных мигрантов и их потомков. Эти меры позволили представителям коренного населения Латвии и Эстонии монополизировать престижные позиции в политической и административной сфере, существенно ограничив (если не закрыв) доступ к ним национальных меньшинств («неграждане») не имеют право занимать посты на государственной и военной службе, учреждать политические партии, быть судьями и прокурорами). Резко негативные оценки периода пребывания республик в составе СССР («советской оккупации») идеологически легитимируют данную политику. Заметим, что ограничение политического участия «неграждан» в Эстонии и Латвии существенно повысило стабильность новых государств в наиболее сложный переходный период.

Этническая ситуация в Литве выглядела иначе. Состав населения Литовской Республики за весь советский период существенных изменений не претерпел. По данным переписи 1959 г., в Литве проживало 79,3 % литовцев, в 1989 г. – 79,6 %. Особая роль в этом процессе приписывается А. Снечкусу, возглавлявшему Компартию Литвы с 1936 по 1974 г. Благодаря высокому авторитету ему удалось минимизировать размещение на литовской территории крупных производств, строительство и работа которых влекли за собой переезд в республику значительного числа граждан СССР нелитовской национальности [15, с. 147, 148]¹. Республикан-

¹ Не следует, однако, преувеличивать роль главы литовской компартии и его московские связи (в частности, дружеские отношения с М.А. Сусловым) в том, что Литва не стала местом размещения крупных предприятий и соответственно центром массовых миграций подобно Латвии и Эстонии. В отличие от этих республик, Литовская ССР обладала существенно меньшим геополитическим и экономическим значением для Москвы. Литва не была транзитной территорией, Клайпеда (бывший Мемель), в отличие от Вентспилса, Риги или Таллинна, была средним внутренним каботажным портом.

ская партийно-государственная номенклатура также рекрутировалась преимущественно из представителей титульной нации. Если в 1945 г. среди членов компартии Литвы насчитывалось чуть больше 30 % литовцев, то в 1952 г. их количество выросло до 38 %, а к середине 1980-х – до 70 %. Этот показатель применительно к административно-управленческим должностям составлял 91,5 % [15, с. 149].

Процесс «литвинизации» относительно высоких социальных позиций происходит во второй половине 1940-х – в 1950-х гг. Большая часть польской интеллигенции была вынуждена покинуть территорию Вильнюсского края, присоединенного к Литве в 1939 г.; 80 % поляков, проживающих в 1945 г. в Вильнюсе, было репатриировано, осталось только польское сельское меньшинство, социальный статус которого был относительно низок [33, р. 92]. К концу 1950-х гг. под предлогом недостаточного уровня образования вытесняются и русскоязычные специалисты, приехавшие в республику после войны, а освобождающиеся позиции замещаются молодыми выпускниками литовских вузов – Вильнюсского университета и Каунасского политехнического института (бывшего Каунасского университета). В этническом и демографическом аспектах Советская Литва более сходна с Белоруссией, а не с Латвией и Эстонией. В обеих республиках преобладало коренное население (79 % – в Белоруссии, 79,6 % – в Литве), сопоставима доля лиц с высшим и законченным средним образованием (60,2 % – в Белоруссии и 57,2 % – в Литве), а также доля членов КПСС в общем составе населения (7,5 % – в Белоруссии и 5,8 % – в Литве). И в Литве, и в Белоруссии постепенно происходит замещение элитных позиций представителями коренной национальности.

Относительно низкий уровень лояльности национальных элит по отношению к центральной власти в Латвии и Эстонии позднесоветского времени определялся внутриэлитной напряженностью. Существенное ограничение политических прав русскоязычного меньшинства после выхода из СССР стало эффективным средством борьбы за престижные позиции в политической и социально-экономической сфере в интересах «титульных наций», а антисоветская риторика стала идеологической легитимацией данной политики. В Литве же большая часть элитных позиций к концу 1980-х гг. была занята литовцами (вытеснение представителей национальных меньшинств – сначала польских, затем русскоязычных – началось после Великой Отечественной войны и к 1980-м гг. уже завершилось), и ограничение участия немногочисленных национальных меньшинств в общественно-политической жизни, как это случилось в Латвии и Эстонии, не давало представителями коренной национальности существенных конкурентных преимуществ (гражданство Литвы после обретения независимости было предоставлено всем желающим жителям республики, независи-

мо от национальной принадлежности). Почему же в Литве идея независимости от СССР получила не меньшую (если не большую) поддержку, в том числе среди партийно-государственных элит, чем в Латвии и Эстонии, и прибалтийские республики выступали солидарно?

Для уточнения условий лояльности национальный элит центру в советский период сопоставим контрастные случаи, которые сходны друг с другом по некоторым существенным параметрам, но отличаются по уровню лояльности в отношении центральной власти – Литву и Белоруссию. В поиске объяснений обратимся к результатам, полученным в ходе исследования условий лояльности национальных элит в имперский период истории России. На материале анализа взаимоотношений польской шляхты и балтийско-немецкого рыцарства с имперским центром было выявлено, что относительно низкий уровень лояльности шляхты был связан с социализацией, ориентированной на локальные сообщества (участие в местных патрон-клиентских сетях), а высокая степень лояльности к имперской власти немецко-балтийского дворянства обуславливалась стратегиями социализации, ориентированными на служебную карьеру за пределами региона проживания [21, с. 65]. Насколько фактор социализации был связан с лояльностью в советское время?

Особенностью Литвы по сравнению с Белоруссией и другими советскими республиками была стратегия социализации местного населения, ориентированная на жизнь и карьеру в собственной республике. Литовцы были самым оседлым народом СССР, в других республиках Союза проживало только 4 % литовцев [19]. В чем причины нежелания жителей Литвы покидать свою республику в советское время? Едва ли такое поведение можно объяснить особенностями национального менталитета: в межвоенное время миграция литовцев за границу была достаточно высока, а в постсоветской Литве это превратилось в национальную проблему.

В прибалтийских республиках был самый высокий уровень жизни в СССР. Литва по доле ВВП на душу населения занимала третье место после Латвии и Эстонии, что делало данный регион привлекательным не только для местного населения, но и для мигрантов из других республик. Этим объясняется идентификация (преимущественно русскоязычных) национальных меньшинств трех республик с регионом проживания, а не с местом происхождения (или со страной в целом) и поддержка стремления к независимости от СССР. В Литве советского периода для многих мигрантов оказалась привлекательной не только территория, но и сама литовская идентичность: в 1960-е гг. большинство детей из семей, в которых один из родителей принадлежал к литовской национальности, воспринимали себя в качестве литовцев. В 1989 г. 10 % литовцев происходили из семей, где только один родитель был литовцем, а некоторые –

из семей, где ни один из родителей не принадлежал к литовской национальности [33, р. 95]².

Элиты Советской Литвы были также ориентированы на социализацию в пределах родной республики. За всю историю СССР не было ни одного члена или кандидата в члены Политбюро литовской национальности. Только после XXVIII съезда КПСС комплектование руководящих союзных органов стало осуществляться по принципу республиканского представительства, но к этому времени компартия в Литве уже лишилась своих позиций [18]. Для национальной партийно-государственной элиты Литовской ССР была характерна относительно высокая степень автономности от Москвы, внутренняя солидарность и лояльность в большей мере собственным лидерам и корпорации, чем союзному центру. Это находило выражение в следовании альтернативным ритуалам и ценностям: А. Бразаускас, первый секретарь ЦК КПЛ в 1988–1989 гг., подчеркивал, что партфункционеры и государственные служащие (и он сам) праздновали Рождество и другие христианские праздники в домашней обстановке, не опасаясь при этом доноса со стороны своих литовских коллег (цит. по [30, р. 96]) (что скорее имеет форму круговой поруки, а не следования традициям).

Высокую степень самостоятельности «национальных коммунистов» Литвы подтверждает многолетнее правление первого секретаря республиканской компартии А. Снечкуса – поистине легендарной фигуры как в советской, так и в постсоветской Литве. Он возглавлял ЛССР с момента ее образования и до своей смерти в 1974 г., успешно пережив как сталинские репрессии в отношении «национальных коммунистов» двух других прибалтийских республик, так и пертурбации, связанные с переходом власти сначала к Хрущеву, а затем к Брежневу – случай беспрецедентный в руководстве союзных республик. После его смерти лидером национальной компартии был назначен не ставленник Москвы Ю. Манюшис, а кандидатура республиканской номенклатуры из окружения Снечкуса – П. Гришкявичус [28].

Складыванию и воспроизводству национальной литовской элиты способствовала республиканская система высшего образования. С середины 1950-х гг. оба вуза Литовской ССР – Вильнюсский университет и Каунасский политехнический институт – получают право распределять выпускников в пределах республики, что отличало Литву от других республик СССР. Инициатором выступило руководство обоих вузов: перспектива уехать по распределению за пределы Литвы негативно сказывалась на ко-

² В других прибалтийских республиках привлекательность «коренной идентичности» была существенно ниже: одна женщина – наполовину латышка, наполовину русская – признавалась в интервью газете в 1990 г., что она не только никогда не учила латышский язык, но в школьные годы стеснялась своих латышских корней, поскольку быть русской было более престижно, более современно (цит. по [30, р. 187]).

личестве абитуриентов, что могло привести к сокращению учебных мест и даже к ликвидации Каунасского политехнического института, численность студентов которого в 1950 г. составила 2000 человек – минимум, разрешенный для вузов того времени [27, р. 141]. В условиях относительно высокой конкуренции за потенциальных студентов (наличие двух университетов было еще одной особенностью Литвы: во всех других республиках, кроме России и Украины, был только один университет) отмена распределения за пределы республики не только позволила провести индустриализацию (впрочем, довольно скромную по сравнению с соседями) силами местных кадров, но и привело к переизбытку лиц с высшим образованием, особенно инженерным [27, р. 153–158], усиливая внутриэлитное напряжение и конкуренцию за престижные позиции.

В течение всего времени пребывания Литвы в составе СССР в республике имели место антисоветские (националистические) выступления, причиной которых было не только «органическое неприятие» населением советской власти. Литовские партийно-государственные элиты не проявляли чрезмерных усилий в противостоянии им (Берия в 1953 г. критиковал руководство Литвы за недостаточно решительную борьбу с повстанческим движением [4, с. 321]), поскольку наличие в регионе антисоветского (националистического) движения и умение региональных властей контролировать такого рода явления укрепляло их позиции в отношениях с центром, избегавшим прямого вмешательства в дела «проблемного региона», опасаясь дестабилизации [26]. В Литве именно в советское время идет интенсивная (ре)конструкция историко-культурного наследия и национальных символов: восстанавливается Тракайский замок, реабилитируется «декадентский» художник и композитор М. Чюрленис (родной язык которого был польский), поддерживаются национальные музыкальные коллективы. В 1967 г. был проведен первый республиканский фольклорно-спортивный фестиваль, участниками различных фольклорных певческих и танцевальных коллективов уже в 60-е гг. были 220 000 жителей республики [29, р. 170, 171] – так создается институциональная основа «поющей революции» конца 1980-х.

Оппозиция, контролируемая силами местного государственно-партийного аппарата, легитимировала этот аппарат в глазах союзного центра; таким образом, ее существование и активность в определенной мере была результатом взаимоотношений литовской советской элиты с Москвой. Следует отметить, что как «советская», так и «антисоветская» элиты Литвы разделяли сходные национальные ценности: научно-педагогическая деятельность В. Ландсбергиса, лидера «Саюдиса» и последовательного борца за независимость Литвы, была связана с исследованием и популяризацией творчества М. Чюрлениса – выдающегося художника и композитора, за-

нявшего место в пантеоне национальной культуры именно благодаря поддержке властей Советской Литвы.

Стратегии социализации белорусских элит (и значительной части населения республики) были принципиально иными. В послевоенное время республика переживает индустриализацию, связанную с размещением на ее территории крупных промышленных предприятий – «гигантов советской индустрии», многие из которых были значительно удалены как от конечных потребителей своей продукции, так и от источников сырья и энергоносителей, т. е. интегрированы в экономическую систему СССР в целом и шире – в СЭВ [16, с. 148]. Экономика Советской Белоруссии была самой экспортно-ориентированной среди союзных республик и стран социалистического лагеря – 80 % производимой в республике промышленной продукции вывозилось за пределы БССР [23] (продукция, производимая в Литве, потреблялась преимущественно в самой республике). Неудивительно, что как среди белорусской элиты, так и среди населения сепаратистские настроения не пользовались значительной поддержкой. Стратегия на сотрудничество с Россией характерна также и для постсоветской Беларуси – именно Россия остается крупнейшим рынком сбыта для белорусской продукции.

Но «промышленные гиганты» общесоюзного значения строились не только в БССР, но и в Эстонии и Латвии. Почему же сходные процессы в экономике не предотвратили стремления к независимости среди населения и элит этих прибалтийских республик? Дело в том, что на предприятиях «общесоюзного значения», расположенных в Прибалтике, были заняты в основном мигранты, а не представители коренного населения. Быстрое банкротство этих бывших «флагманов советской индустрии» после восстановления независимости было обусловлено не только (и даже не столько) экономическими причинами – ведь в соседней Беларуси подобные предприятия продолжали работать. Более того, к 2004 г. объем промышленного производства там превысил показатели 1990 г. – случай, беспрецедентный на постсоветском пространстве!

Сыграли роль социальные факторы: конкуренция за более высокий социальный статус представителей коренной национальности. Как отмечалось выше, проблема престижа латвийского и эстонского языка и соответствующей идентичности была достаточно острой в обеих республиках. «Деиндустриализация» прибалтийских республик привела к падению социального статуса меньшинств. Сейчас большинство водителей такси, автобусов, грузовиков, строителей (зачастую полулегальных) – русскоязычные [12, с. 64]. Принятие дискриминационных законов по отношению к мигрантам после 1940 г., большую часть которых составляли бывшие рабочие и специалисты закрытых предприятий (доля рабочих и специалистов коренной национальности на промышленных предприятиях Эстонии и Латвии снижа-

лась на протяжении 1960–1980-х гг., а русскоговорящих – росла [12, с. 63]), обеспечило устойчивость режимов Эстонии и Латвии, так как «неграждане» оказались исключены из политической жизни этих стран.

Белорусская послевоенная элита отличалась от литовской также по основаниям своей легитимации. Партийно-государственный аппарат в Советской Белоруссии в значительной мере комплектовался из участников советского партизанского движения 1941–1944 гг. Если в компартии Литвы своеобразным внутривнутрипартийным ритуалом стало следование традиционным религиозным праздникам, то в компартии Белоруссии – поиск и разоблачение скрытых коллаборационистов времен Великой Отечественной войны и, соответственно, демонстрация лояльности советским символам и идеалам [24]. Основанием легитимации литовской национальной советской элиты, была, как отмечалось, способность контролировать националистическое движение (что предполагало наличие такого движения), а также активная поддержка национальной культуры и языка (данное обстоятельство служит своего рода оправданием национальной коммунистической власти и в постсоветской Литве).

Перейдем к выводам. Советская национальная политика, содержанием которой было формирование новых национальных элит, а также локальных институтов, поддерживающие их воспроизводство, продолжала имперские традиции «непрямого» управления государством, когда главными партнерами выступают центральная власть и местные элиты. Данная политика в определенной мере снижала конкуренцию за престижные позиции в «центральных» институтах, но в условиях стабилизации и относительно низкой ротации кадров приводила к дефициту престижных позиций на фоне переизбытка претендентов (феномен «перепроизводства элиты»). Внутриэлитная конкуренция за престижные позиции усиливалась миграцией из других регионов (в случае Эстонии и Латвии), а также стратегией социализации, ориентированной на регион первоначального проживания (в случае Литвы), что было обусловлено относительно высоким уровнем благосостояния прибалтийских республик в составе СССР. Размещение на территории Белоруссии крупных ресурсоемких экспортно-ориентированных предприятий обусловило стратегии социализации, ориентированные на интеграцию в союзную экономику и, соответственно, лояльность как элит, так и значительной части населения союзному центру.

Литература

1. Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1890. – 183 с.
2. История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. – Рига: Jumava, 2005. – 474 с.

3. *Дерлугьян Г.М.* Адепт Бурдые на Кавказе. – М.: Территория будущего, 2010. – 560 с.
4. *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. – М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.
5. *Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). – М.: НЛО, 2012. – 400 с.
6. *Лурье С.В.* «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Демоскоп Weekly. – 2011. – № 475–476. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/analit02.php#_FNR_1 (дата обращения: 24.11.2020).
7. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011. – 663 с.
8. *Матоните И.* Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. – 2013. – № 3 (17). – С. 120–134.
9. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. – М.: НЛО, 2006. – 248 с.
10. *Мусаев В.И.* Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. – 2017. – № 2. – С. 176–191.
11. *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. – М.: Территория будущего, 2010. – 376 с.
12. *Симомян Р.Х., Кочегарова Т.М.* Русскоязычное население в странах Балтии // Вестник МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 60–79.
13. *Симомян Р.Х.* Лекции по истории и этнологии Литвы. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 256 с.
14. *Симомян Р.Х.* Страны Балтии и распад СССР // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 51–154.
15. *Смирнов В.А.* Рекрутирование политических элит в Прибалтике: роль этнического фактора // Балтийский регион. – 2003. – № 4 (18). – С. 146–159.
16. СССР после распада / под общ. ред. О.А. Маргания, Д.Я. Травина. – СПб.: Экономическая школа, 2007. – 544 с.
17. *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве: исторический аспект // Этничность и власть в постсоветских государствах: материалы международной конференции, 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С. 9–34.
18. *Тишков В.А.* Национальность – коммунист? (Этнополитический анализ КПСС) // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 2. – URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=117 (дата обращения: 24.11.2020).
19. *Труска А.* Главным для них было разрушать // Экспресс-неделя. – 2011. – 2 апреля. – URL: <https://www.nedelia.lt/press/press-prensa-litvy/page,7,19617-professor-lyudas-truska-glavnym-dlya-nih-bylo-razrushat.html> (дата обращения: 24.11.2020).
20. *Турчин П.В.* Историческая динамика: на пути к теоретической истории. – М.: АКИ, 2007. – 368 с.

21. Филиппов С.П. Условия солидарности элит и внеэлитных групп населения // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 57–69.
22. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 395 с.
23. Шевцов Ю. Объединенная нация: феномен Беларуси. – М.: Европа, 2005. – 256 с.
24. Шевцов Ю. Эволюция политической элиты // Белорусская цифровая библиотека Library.by. – https://library.by/portalus/modules/politics/readme.php?subaction=showfull&id=1399202876&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 24.11.2020).
25. Garcelon M. Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000. – Temple University Press, 2005. – 312 p.
26. Grybkauskas S. Anti-Soviet protests and localism of the Baltic republics` nomenclatura: Explaining the interaction // Journal of Baltic Studies. – 2018. – Vol. 49, iss. 4. – DOI: 10.1080/01629778.2018.1492944.
27. Grybkauskas S. The making of the titular nation engineers in Soviet Lithuania and Latvia (from the end of the 1940s to the mid-1950s) // Lithuanian Historical Studies. – 2018. – N 22. – P. 137–160.
28. Grybkauskas S. The Role of the Second Party Secretary in the "Election" of the First: The Political Mechanism for the Appointment of the Head of Soviet Lithuania in 1974 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2013. – Vol. 14, N 2. – P. 343–366.
29. Kemp W.A. Nationalism and Communism in Eastern Europe and in the Soviet Union. A Basic Contradiction? – New York: St. Martin`s Press, 1999. – 292 p.
30. Lieven A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. – New Haven; London: Yale University Press, 1993. – 454 p.
31. Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium // Osteuropa. – 2013. – Vol. 63, N 5/6. – P. 7–24.
32. Slezekine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnik Particularism // Becoming National / ed. by G. Elley and G. Suny. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 203–238.
33. Snyder T. The Reconstruction of Nation. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. – New Haven; London: Yale University Press. 2003. – 367 p.
34. Sunny G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. – 200 p.

Статья поступила в редакцию 09.10.2019.

Статья прошла рецензирование 10.12.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248

CONDITIONS OF THE NATIONAL ELITES LOYALTY TOWARDS THE CENTRAL GOVERNMENT IN THE SOVIET PERIOD OF RUSSIAN HISTORY

Filippov Sergey,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Deputy Director of the Humanities Institute

Novosibirsk State University,

2 Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

SPIN-code (RSCI): 4743-5183

Author ID (RSCI): 113556

filippov07@yandex.ru

Abstract

The article deals with the analysis of the Soviet national policy **from a historical perspective with a focus on** investigating into conditions of the loyalty of national elites towards the central government in the last period of the USSR existence. The indicators of the low level loyalty are as follows: supporting the ideas of national sovereignty and independence, participating in the national movement by ruling cadres, influential intellectuals and population. The author shows low sympathy of both groups of representatives: elites and broad population to nationalist ideas. The analysis is based on comparing contrastive cases – the Soviet elites of the Baltic republics (Lithuania, Estonia and Latvia) and Belorussia in their interactions with the central government as well as local population in the period from 1945 to 1991. These republics, their population and elites were similar regarding some important aspects such as historical and cultural as well as demographic characteristics in the case of Belorussia and Lithuania; some important features of the industry (big export-oriented enterprises) regarding Estonia, Latvia and Belorussia. At the same time, these cases showed a different level of the loyalty towards the Union center, namely, relatively high among the Belorussian Soviet ruling cadres and population and relatively low in the Baltic republics by the end of 1980s.

The important aspect of the Soviet national policy was establishing new national elites, educational and cultural institutions preserving their native languages as well as the promotion of native cadres into the positions of power in the regional administration. In some respects, this policy was similar to the “indirect rule” implemented in the imperial period of Russian history and consisted in the cooperation between the central government and local elites as the main approach to administrating a multinational state. However, in comparison with the previous practice tending to include national elites in the imperial nobility, the post revolutionary approach considered the creation of national elites through promoting local cultural and educational institutions that offer quite prestigious but specific positions occupied mostly by representatives of the respective ethnic group.

Creating local elites reduced the competition for “universal” positions since socialization and career of “national staff” were oriented towards national institutes. However, increasing numbers of “national staff” with limited positions for them had negative social consequences (elite overproduction). Intra-elite tension increased due to the migration from other regions (in the case of Latvia and Estonia). The other reason of this phenomenon was pursuing socialization strategies oriented to the places of origin (in the case of Lithuania). The attractiveness of the Baltic republics both for local population and migrants from other regions of the USSR was caused by a relatively high level of living standards in these union republics.

Location of big export-oriented enterprises in the territory of Belorussia created conditions for preferring socialization strategies oriented towards integration with the Soviet Union economy and, therefore, enhanced loyalty towards the USSR center from both elites and population. Besides, the administrative apparatus of the Soviet Belorussia was recruited extensively among participants of the Soviet partisan movement 1941–1944 what explains the devotion of the Belorussian elite to the Soviet symbols and values. At the same time, the base of the legitimization of the Soviet Lithuanian elite was its ability to control the anti-Soviet (nationalist) movement as well supporting national culture and language.

Keywords: elites, loyalty, Soviet national policy, elite overproduction.

Bibliographic description for citation:

Filippov S. Conditions of the National Elites Loyalty towards the Central Government in the Soviet Period of Russian History. *Ideji i ideali = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 230–248. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.

References

1. Batyushkov P.N. *Belorussiya i Litva. Istoricheskie sud'by Severo-Zapadnogo kraya* [Belarus and Lithuania. The historical fate of the Northwest Krai]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1890. 183 p.
2. Bleyere D., Burtulis I., Zunda A., Stranga A., Feldmanis I. *Istoriya Latvii. XX vek* [History of Latvia. XX century]. Riga, Jumava Publ., 2005. 474 p. (In Russian).
3. Derluguian G.M. *Adept Burd'ye na Kavkaze* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2010. 560 p. (In Russian).
4. Zubkova E.Yu. *Pribaltika i Kreml', 1940–1953* [Baltic States and the Kremlin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 351 p.
5. Kushko A., Taki V. *Bessarabiya v sostave Rossijskoi imperii (1812–1917)* [Bessarabia as part of the Russian Empire (1812–1917)]. Moscow, NLO Publ., 2012. 400 p.
6. Lur'e S.V. “Druzhiba narodov” v SSSR: natsional'nyi proekt ili primer spontannoi mezhetnicheskoi samoorganizatsii? [“Friendship of Peoples” in the USSR: a national project or an example of spontaneous interethnic self-organization?]. *Demoskop Weekly*, 2011, no. 475–476. (In Russian). Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/analit02.php#_FNR_1 (accessed 24.11.2020).
7. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London, , Cornell University Press, 2001 (Russ. ed.: Martin T. *Imperiya*

“polozhitel’noi deyatelnosti”: natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 663 p.).

8. Matonite I. Politicheskoe pereosmyslenie sovetskogo proshlogo: ustanovki i deistviya litovskikh elit [Political rethinking of the Soviet past: attitudes and actions of the Lithuanian elites]. *Baltiyskiy region = Baltic Region*, 2013, no. 3 (17), pp. 120–134. (In Russian).

9. Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [Romanov Empire and nationalism]. Moscow, NLO Publ., 2006. 248 p. (In Russian).

10. Musaeu V.I. Nezavisimost’ stran Baltii i “russkii vopros” [The Independence of the Baltic States and the “Russian Question”]. *Noveyshaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*, 2017, no. 2, pp. 176–191.

11. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz*. T. 1. *S drevneishikh vremen do Velikoi Smuty* [Russian history. Factor analysis. Vol. 1. From ancient times to the Great Troubles]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2010. 376 p.

12. Simonyan R.Kh., Kochegarova T.M. Russkoyazychnoe naselenie v stranakh Baltii [Russians among the peoples of the Baltic states: the origins of mutual perceptions and relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 3, pp. 60–79.

13. Simonyan R.Kh. *Lektsii po istorii i etnologii Litvy* [Lectures on the history and ethnology of Lithuania]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2013. 256 p.

14. Simonyan R.Kh. Strany Baltii i raspad SSSR [The Baltic countries and the collapse of the USSR]. *Polis. Politicheskije issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2002, no. 6, pp. 151–154.

15. Smirnov V.A. Rekrutirovanie politicheskikh elit v Pribaltike: rol’ etnicheskogo faktora [Recruiting political elites in the Baltic states: the role of the ethnic factor]. *Baltiyskiy region = Baltic Region*, 2003, no. 4 (18), pp. 146–159.

16. Marganiya O.L., Travin D.Ya., eds. *SSSR posle raspada* [USSR after the collapse]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2007. 544 p.

17. Tishkov V.A. [Nationalities and nationalism in the post-Soviet space: historical aspect]. *Etnichnost’ i vlast’ v postsovetских gosudarstvakh: materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, 1993 g. [Ethnicity and power in post-Soviet states: Materials of the international conference, 1993]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 9–34. (In Russian).

18. Tishkov V.A. Natsional’nost’ – kommunist? (Etnopoliticheskii analiz KPSS) [Is nationality a communist? (Ethnopolitical analysis of the CPSU)]. *Polis. Politicheskije issledovaniya = Polis. Political Studies*, 1991, no. 2. Available at: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&cid=117 (accessed 24.11.2020).

19. Truska L. Glavnym dlya nih bylo razrushat’ [The main thing for them was to destroy]. *Ekspress-nedelya = Express-Week*, 2011, 2 April. Available at: <https://www.nedelja.lt/press/press-prensa-litvy/page,7,19617-professor-lyudas-truska-glavnym-dlya-nih-bylo-razrushat.html> (accessed 24.11.2020).

20. *Historical dynamics: why states rise and fall*. Princeton : Princeton University Press, 2003 (Russ. ed.: Turchin P.V. *Istoricheskaya dinamika: na puti k teoreticheskoi istorii*. Moscow, LKI Publ., 2007. 368 p.).

21. Filippov S.I. Usloviya solidarnosti elit i vneelitnykh grupp naseleniya [Conditions of the solidarity between elites and non-elite groups]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 57–69.
22. Cheshko S.V. *Raspad SSSR: etnopoliticheskiy analiz* [The collapse of the USSR: ethnopolitical analysis]. Moscow, IEA RAS Publ., 2000. 395 p. (In Russian)
23. Shevtsov Yu. *Ob"edinennaya natsiya: fenomen Belarusi* [United nation. The phenomenon of Belarus]. Moscow, Evropa Publ., 2005. 256 p.
24. Shevtsov Yu. Evolyutsiya politicheskoi elity [Evolution of the political elite]. *Belorusskaya tsifrovaya biblioteka Library.by* [Belorussian Digital Library]. Available at: https://library.by/portalus/modules/politics/readme.php?subaction=showfull&id=1399202876&archive=&start_from=&ucat= (accessed 24.11.2020).
25. Garcelon M. *Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000*. Temple University Press, 2005. 312 p.
26. Grybkauskas S. Anti-Soviet protests and localism of the Baltic republics` nomenklatura: Explaining the interaction. *Journal of Baltic Studies*, 2018, vol. 49, iss. 4. DOI: 10.1080/01629778.2018.1492944.
27. Grybkauskas S. The making of the titular nation engineers in Soviet Lithuania and Latvia (from the end of the 1940s to the mid-1950s). *Lithuanian Historical Studies*, 2018, no. 22, pp. 137–160.
28. Grybkauskas S. The Role of the Second Party Secretary in the “Election” of the First: The Political Mechanism for the Appointment of the Head of Soviet Lithuania in 1974. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2013, vol. 14, no. 2, pp. 343–366.
29. Kemp W.A. *Nationalism and Communism in Eastern Europe and in the Soviet Union. A Basic Contradiction?* New York, St. Martin`s Press, 1999. 292 p.
30. Lieven A. *The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*. New Haven, London, Yale University Press, 1993. 454 p.
31. Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium [Communism and the national question: The Soviet Union as a multinational empire]. *Osteuropa = Eastern Europe*, 2013, vol. 63, no. 5/6, pp. 7–24. (In German).
32. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Becoming National*. Ed. by G. Elley and G. Suny. New York, Oxford, Oxford University Press, 1996, pp. 203–238.
33. Snyder T. *The Reconstruction of Nation. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, London, Yale University Press, 2003. 367 p.
34. Sunny G. *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, CA, Stanford University Press, 1993. 200 p.

The article was received on 09.10.2019.

The article was reviewed on 10.12.2019.